

Развѣдка летучаго отряда на протяженіи 2,000 верстѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

На 19-е мая была назначена дневка.

Утромъ я составилъ донесеніе начальнику округа и просмотрѣлъ маршрутную съемку нашего пути, сдѣланную пор. Булацелемъ, а въ полдень былъ отправленъ унтеръ-офицерскій развѣздъ изъ 6-ти человекъ на Кенгшентъ съ приказаніемъ сдать на постъ летучей почты нерчинцевъ мое донесеніе, маршрутную съемку и пакетъ съ той частью захваченной отрядомъ корреспонденціи, которая представляла интересъ съ военной точки зрѣнія, причемъ донесеніе мое предназначалось для передачи изъ Посьета по телеграфу. Этотъ же развѣздъ долженъ былъ доставить больнаго охранника въ Хунчунъ.

Повѣривъ состояніе денежныхъ суммъ отряда и удостовѣрившись, что въ его распоряженіи имѣется авансъ приблизительно только на одинъ мѣсяць, я составляю планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, причемъ основной моей мыслью является предположеніе, что въ Гензанѣ и Пеньянѣ находятся японскіе гарнизоны, охраняющіе различнаго рода учрежденія и склады дѣйствующей арміи японцевъ, и что дорога Гензанъ—Пеньянъ является ихъ путемъ сообщенія, хотя и не главнымъ, но имѣющимъ все-таки для нихъ значеніе.

¹⁾ См. «Военный Сборн.» № 9.

Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: отрядъ высылаеть сильныя офицерскіе развѣзды—одинъ на Гензань, другой на Янгдыкъ, которые быстро идутъ къ намѣченной имъ цѣли и, если окажется возможность, совершаютъ одновременно ночное нападеніе на эти пункты, стараясь произвести у непріятеля какъ можно больше переполоху. Въ это время главныя силы отряда переходятъ изъ Хамхынга къ д. Тюктень, гдѣ своимъ расположеніемъ обезпечиваютъ вышеуказанную развѣдку со стороны противника, находящагося, по свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей, у Ионуона. Развѣзды по окончаніи развѣдки идутъ на присоединеніе къ отряду въ Тюктень; если же они его не находятъ тамъ, или имъ что либо препятствуетъ пройти въ Тюктень, то они должны звать, что отрядъ, по окончаніи этой развѣдки, идетъ въ направленіи на г. Чанчжинъ, куда и слѣдуетъ всѣмъ собираться.

Это движеніе отряда на городъ Чанчжинъ (т. е. въ направленіи на Мукденъ) по окончаніи развѣдки на Гензань и Янгдыкъ мотивировалось слѣдующими соображеніями: оставаться въ районѣ этой развѣдки намъ нельзя, въ виду недостатка денежныхъ средствъ на довольствіе отряда, которыхъ только хватаетъ на обратный путь; возвращаться тѣмъ же путемъ, по которому отрядъ пришелъ въ Хамхынгъ, или же идти на Капсанъ, гдѣ былъ уже нашъ развѣздъ Оходкаго, нѣтъ никакой пользы въ смыслѣ развѣдыванія; при движеніи же на Ляоянь или Мукденъ отряду можетъ представиться случай опредѣлить мѣстоположеніе праваго фланга японской арміи. а поэтому казалось, что, слѣдуя въ этомъ направленіи, отрядъ при данныхъ условіяхъ можетъ быть использованъ наилучшимъ образомъ.

Чтобы скрыть по возможности отъ жителей Хамхынга, среди которыхъ безусловно находились японскіе шпіоны, направленіе дальнѣйшаго движенія отряда, я рѣшилъ выступить отсюда ночью. причемъ изъ г. Ченгпиенга выдѣлить развѣздъ на Гензань, а изъ Тюктена на Янгдыкъ.

Разсказавъ офицерамъ планъ дѣйствій и назначивъ для предстоящей развѣдки по взводу отъ каждой сотни въ развѣздъ на Гензань, подъ командой пор. Крищевскаго, а на Янгдыкъ штабс-ротмистра Левицкаго, я осмотрѣлъ лошадей отряда, которыя въ общемъ показались мнѣ достаточно бодрыми на видъ для усиленной работы.

Кромѣ нѣсколькихъ коней съ незначительными подпаринами было восемь съ набивками на холкахъ, преимущественно изъ числа

вьючныхъ, которые очевидно набивались при спускахъ съ переваловъ, неся на себѣ въ теченіе всего перехода мертвый грузъ, тогда какъ со строевыхъ лошадей всадники на крутыхъ подъемахъ и спускахъ слѣшивались. Конечно, набитыхъ лошадей нельзя было сѣдлатъ въ теченіе нѣкотораго времени, и это обстоятельство, въ связи съ предстоявшей намъ усиленной работой и убылью въ нихъ, хотя небольшой, въ продолженіи полутора мѣсяцевъ похода ¹⁾, привело меня къ убѣжденію, что въ отрядѣ мало заводныхъ лошадей. Увеличить ихъ число можно было, только сокративъ количество офицерскихъ вьюковъ, въ виду чего я предложилъ офицерамъ ограничить запасъ ихъ вещей такъ, чтобы одна вьючная лошадь была бы для двухъ офицеровъ, а не на каждого, какъ то было до сихъ поръ. Въ этомъ я самъ подаль примѣръ, уступивъ одинъ изъ моихъ двухъ вьючныхъ чемоданчиковъ подъ канцелярію и денежный ящикъ отряда. Такъ какъ до уменьшенія числа офицерскихъ вьюковъ въ нихъ могло помѣститься только самое нужное для похода, то теперь приходилось выбрасывать такія вещи, которыя являлись предметами первой необходимости, но нечего было дѣлать, и мы ихъ лишились для сбереженія коней.

Въ 11 часовъ вечера, когда корейцы улеглись спать, отрядъ, разложивши ярче костры, выступилъ на г. Ченгъ-Шенгъ.

Ночь была очень теплая; шелъ дождь. Нашъ головной отрядъ, удаленный отъ главныхъ силъ не болѣе какъ на 200 шаговъ, шелъ съ проводникомъ и связывался съ нами цѣпью дозорныхъ.

Переправившись вбродъ черезъ нѣсколько рѣчекъ, мы подошли къ гор. Ченгъ-Шенгу часа въ 4 утра, когда начинало брезжить. Простившись здѣсь съ разъѣздомъ Крищевскаго, отправлявшимся на Гензань, мы стали подыскивать проводника на Тюктенъ, но изъ четырехъ корейцевъ, жителей Ченг-Шенга, опрошенных порознь, всѣ утверждали, что о существованіи такой деревни они не знали, что деревни Кончи, откуда по картѣ отдѣляется дорога на Тюктенъ, нѣтъ, и дороги, которая бы шла въ томъ направленіи, какъ показано на картѣ Кончи—Тюктенъ, т. е. на юго-западъ, также не существуетъ. Такъ какъ никакія угрозы дѣлу не помогали, я, присоединивъ этихъ корейцевъ къ головному отряду, приказалъ начальнику его вести насъ по компасу, соответственно направленію по картѣ Кончи—Тюктенъ, для чего я отдалъ свою карту въ головной отрядъ. Вскорѣ мы попали на тропу, которая

¹⁾ Не считая, конечно, выдѣленія изъ отряда артилерійскаго взвода съ прикрытіемъ.

шла на юго-западъ. Пройдя такимъ образомъ верстъ пять, головной отрядъ свернулъ съ нея, а начальникъ его, подѣхавъ ко мнѣ, доложилъ, что, разговаривая черезъ переводчика съ этими корейцами, ему удалось объяснить, куда желательно намъ идти, и теперь они могутъ указать дорогу, и что тропа, которую мы первоначально выбрали, ведетъ въ Генхынгъ, а оттуда въ Гензань. Но чѣмъ дальше мы шли по вновь выбранной начальникомъ головного отряда горной тропѣ, тѣмъ болѣе убѣждались, что идемъ по невѣрному направленію, свернуть же теперь съ пути не представлялось возможности, такъ какъ перекрестковъ мы не встрѣчали, а движеніе безъ дороги по горамъ было немислимо. Между тѣмъ, на нѣкоторыхъ участкахъ пути мы шли на западъ, а потомъ стали уклоняться даже на сѣверо-западъ.

Часовъ около 11 дня, въ виду утомленія людей и лошадей, отрядъ остановился на большой приваль у 2—3 фанзъ, жители которыхъ также не могли намъ указать дороги на Тюктенъ и говорили, что тропа, по которой мы шли, выходитъ къ Ионуону. Поневолѣ приходилось видоизмѣнить мой первоначальный планъ одновременной развѣдки на Гензань и Янгдыкъ, и я рѣшилъ, не выслая второго развѣзда, продолжать движеніе по той тропѣ, которая по словамъ корейцевъ, выходила къ Ионуону, чтобы произвести развѣдку этого пункта, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находились какія-то силы японцевъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ развѣзда Крищевскаго и по окончаніи ея отходить постепенно на Чанчжинъ, куда долженъ также направиться Крищевскій.

Къ вечеру отрядъ подошелъ къ д. Сарань-Мури, гдѣ расположился на ночлегъ. Но каково же было наше удивленіе, когда во всей деревнѣ оказалось только 2—3 корейца, которые при видѣ насъ страшно перепугались. На наши вопросы о причинѣ ихъ боязни и почему деревня покинута жителями, корейцы стали рассказывать, что недѣли три передъ нашимъ приходомъ ирѣзжали въ Сарань-Мури русскіе казаки, которые будто бы сильно обижали ихъ.

Отсутствіе жителей въ деревнѣ затрудняло сборъ продовольствія для отряда, и то небольшое количество фуража, которое съ помощью этихъ 2—3 корейцевъ мы получили, было далеко недостаточнымъ, вслѣдствіе чего пришлось расходовать часть запаса изъ сумъ.

Вечеромъ разразилась гроза, и пошелъ тропическій ливень.

Ночью съ одного изъ нашихъ сторожевыхъ постовъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Оказалось, что къ посту подъѣзжали трое конныхъ, которые на окрикъ часового по-русски и по-корейски «ирбо» ¹⁾ ничего не отвѣтили, а послѣ выстрѣловъ поскакали назадъ. Одежда всадниковъ была не бѣлая, какъ у мирныхъ корейцевъ, а темная; разглядѣть больше ничего не удалось.

21-го мая. Тропа, по которой мы идемъ, втягивается за д. Сарань-Мури въ узкое ущелье, съ почти отвѣсными скалами по бокамъ его.

Въ ущельи течетъ рѣчка съ каменистымъ дномъ и такимъ бурнымъ теченіемъ, что оно заглушаетъ голосъ рядомъ идущаго чело-вѣка. Тропа часто переходитъ съ одного берега рѣчки на другой, но мосты черезъ нее или разрушены, или въ такомъ состояніи, что переправа по нимъ является невозможной, приходится искать каждый разъ брода. Движеніе боковыхъ дозоровъ тутъ немыслимо, и мы, несмотря на сознаніе возможности на каждомъ шагу встрѣтить непріятельскую засаду, принуждены идти на авось.

На нашемъ пути лежитъ переваль, причемъ одинъ подъемъ на него тянется верстъ 8, а спускъ не меньшей длины. Болѣе половины перехода приходится идти спѣшившись. Жара еще болѣе способствуетъ нашему утомленію; многіе не въ силахъ взобраться пѣшкомъ на переваль безъ посторонней помощи и держатся за хвостъ своего коня, который тянетъ въ гору, какъ на буксирѣ.

Въ рѣдко встрѣчавшихся намъ по пути отдѣльныхъ убогихъ фанзахъ мы почти не находили жителей, но видно было, что они покинули свои жилища незадолго до нашего прихода. Въ фанзахъ оставались лишь больные и старики, которые выказывали передъ нами такой страхъ, что мы положительно недоумѣвали; очевидно, имъ не подъ силу было бѣжать въ сопки, какъ то дѣлали остальные корейцы.

Въ этой дикой скалистой и весьма слабонаселенной мѣстности, въ которую мы попали, при поголовномъ почти бѣгствѣ жителей ея, отряду угрожала голодь. Нужно было предпринять рѣшительныя мѣры, почему я приказалъ производить по пути обыскъ въ фанзахъ съ цѣлью реквизиціи живого скота для довольствія людей и фуража для лошадей. Если кто либо изъ мѣстныхъ жителей при этомъ присутствовалъ, ему уплачивалось за забранные продукты по цѣнѣ, которую мы платили въ Хамхынгѣ; если никого

¹⁾ Въ переводѣ—послушай.

кромѣ насъ въ фанзахъ не было, то командиры сотенъ записывали количество продуктовъ для уплаты за нихъ при первой возможности мѣстнымъ властямъ. Обыски фанзъ могли производиться только въ присутствіи командировъ сотенъ, и почти всегда это происходило при мнѣ. Нижнимъ чинамъ было объявлено, что за самовольные обыски не въ присутствіи офицеровъ ихъ будутъ предавать суду, какъ за мародерство.

22 Мая. Переночевавъ въ д. Куонми, отрядъ двинулся дальше, и, пройдя шесть переваловъ, мы вышли на дорогу Іонуонъ-Чанчжинъ у сравнительно большой деревни, приблизительно въ 30 дворовъ, Сачанъ Тонгмары, также покинутой жителями. Здѣсь рѣшено было стать бивакомъ, выслать разъѣздъ въ направленіи на Іонуонъ и выждать, насколько позволяли мѣстныя средства, приближенія разъѣзда Крищевского.

Расположившись неподалеку отъ деревни у слиянія р. Тайдонгана съ однимъ изъ его притоковъ, мы разослали нашихъ проводниковъ и переводчиковъ въ горы, чтобы убѣдить бѣжавшихъ жителей вернуться въ свои жилища; только такимъ способомъ мы могли избѣгнуть во многихъ отношеніяхъ неудобныхъ обысковъ фанзъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить необходимое продовольствіе.

Вблизи нашего бивака мы обнаружили старые слѣды расположенія отряда въ 300—400 коней, повидимому русскаго, и, судя по проросшему зеленому овсу, можно было думать, что отрядъ этотъ проходилъ за 3—4 недѣли до насъ.

23 и 24 Мая. Разъѣздъ, посланный въ направленіи на Іонуонъ, противника не обнаружилъ и по исполненіи порученія вернулся въ Сачанъ Тонгмары. Здѣсь, въ это время, окрестные жители убѣдились понемногу въ нашемъ миролюбіи въ отношеніи ихъ и въ неосновательности своихъ опасеній и стали спускаться съ горъ въ свои фанзы вмѣстѣ со своими женами, дѣтьми и даже съ захваченными съ собой продуктами для пропитанія.

Съ возвращеніемъ корейцевъ довольствіе отряда нѣсколько облегчилось, и мы имѣли возможность простоять на мѣстѣ двое сутокъ, но на третьи сутки приходилось выступать изъ Сачанъ, такъ, какъ все, что можно было собрать здѣсь, было уже использовано.

Вечеромъ 24 мая корейцы сообщили намъ слухъ о движеніи какого то небольшого русскаго отряда отъ Коуона на сѣверъ. Очевидно, что это былъ Крищевскій, направлявшійся къ Чанчжину, а такъ какъ онъ могъ избрать не путь слѣдованія отряда, а дорогу черезъ Хамхынъгъ - Куджинъ, я рѣшилъ идти малыми переходами къ перекрестку дорогъ у Куджина.

25 Мая. Опять мы втягиваемся въ узкое скалистое ущелье. Маленькая тропка вьется между камнями вдоль Тайдонгаца, черезъ который всѣ мосты сожжены, повидимому недавно; приходится искать броды, а это, въ виду его обрывистыхъ и скалистыхъ береговъ, нелегко.

Очевидно, мы идемъ по пути слѣдованія отряда, слѣды расположенія котораго мы видѣли у Сачанъ Тонгмаръ. Движеніе по этому пути, вслѣдствіе его умышленной порчи и паники, которую навелъ тотъ отрядъ на мѣстное населеніе, крайне тяжело, но свернуть съ дороги въ горахъ, изъ ущелья, откуда въ стороны отдѣляются лишь пѣшеходныя тропы, является невыносимымъ.

Жара нагрѣваетъ камни до того, что нельзя до нихъ дотронуться рукою, становится такъ душно, что у большинства болитъ голова. Но мы не успѣваемъ дойти до пункта нашего ночлега, какъ жара быстро смѣняется холодомъ, и мы попадаемъ подъ градъ, величиною въ голубиное яйцо.

26-го мая. Начиная отъ Хамхынга, наши обѣды состояли изъ: 1) похлебки, въ которую кромѣ мяса клалась какая то кисловатая трава, называвшаяся нами корейской капустой, и лимонная или укусовая кислота, еще бывшая у насъ въ запасѣ; 2) круто заваренной овсяной крупы, плохо очищенной отъ шелухи, а потому болѣе походившей на овесъ, чѣмъ на крупу, причемъ овесъ былъ весьма плохого качества и 3) чая, который, въ виду израсходованія запаса сахара, мы пили или съ сотовымъ медомъ, или же съ корейскими леденцами, раскрашенными въ зеленую и красную краску, отъ которой чай принималъ соотвѣтственный оттѣнокъ. Въ отношеніи мяса, нужно имѣть въ виду, что въ сѣверной Корее вообще существуетъ только рабочій скотъ, и мяса ¹⁾ и молока не ѣдятъ, но на многихъ ночлегахъ отъ Хамхынга мы не находили и рабочаго скота, а потому нужно было имѣть при себѣ небольшой запасъ, въ 5—6 головъ, покупая его при случаѣ, и гнать за отрядомъ. Тотъ быкъ или корова, которая начинали отставать, предназначались на ближайшій обѣдъ, причемъ приходилось бить скотину тотчасъ послѣ перехода, а потому мясо, конечно было крайне невкусно и жилисто. Но при тѣхъ трудностяхъ похода, которыя мы переносили, необходимо было поддержать питаніе людей тѣми средствами, какія были въ нашемъ распоряженіи, а потому, когда была только возможность давать нижнимъ чинамъ усиленную порцію мяса, хотя и весьма невкуснаго, мы давали его по 1 1/2 и даже по 2 фунта на человѣка.

¹⁾ Кромѣ курляго и свиный.

Обѣдъ мы получали обыкновенно часовъ въ 7—10 вечера, въ зависимости отъ времени нашего прихода на ночлегъ. Утромъ же, передъ выступленіемъ, мы закусывали овсяной кашей, т. е. вѣрнѣе варенымъ овсомъ и порціей мяса.

Такъ довольствовались отъ Хамхынга, какъ нижніе чины, такъ одинаково и офицеры, не имѣя возможности чѣмъ нибудь разнообразить свою пищу, развѣ иногда офицеры получали на обѣдъ вареную курицу, но это было рѣдко. Неудивительно, что тяжелый походъ при такомъ питаніи отзывался на нашемъ здоровьи: у однихъ появился ревматизмъ, у другихъ лихорадка, у кого то изъ офицеровъ начали пухнуть пальцы, а главное на нѣкоторыхъ стала находить апатія.

Насколько пища людей страдала однообразіемъ, настолько зерновой кормъ лошадей былъ разнообразенъ, такъ какъ за недостаткомъ одного вида зерна приходилось брать все, что мы находили; такимъ образомъ, въ кормъ шель гаолянъ съ овсомъ, будою, гречихою, кукурузою, чумизою ободранной и т. п., и все это въ каждой сотнѣ смѣшивалось передъ раздачей зерна по торбамъ. Въ началѣ отъ такого корма бывали случаи коликъ у лошадей, но потомъ онѣ скоро въ него втянулись и не болѣли. Бѣда была въ томъ, что и этого смѣшаннаго корма мы доставали всегда меньше, чѣмъ намъ нужно было.

Сѣна въ Корей мы совершенно не видали; чумизной или овсяной соломы, которая могла бы замѣнить сѣно, отъ Хамхынга стало все труднѣе получать, такъ что поневолѣ приходилось довольствоваться лошадей травой, хотя я старался по возможности избѣгать этого. Впрочемъ случалось часто, что въ нашемъ распоряженіи не было даже травы, такъ какъ почва, начиная отъ Саранъ-Мури, настолько камениста, что трава на ней не растетъ, и только очень рѣдко встрѣчаются небольшія луговины.

Мы двигались большею частью въ узкомъ скалистомъ ущельѣ, и каменистая почва въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно нѣсколько расширялось, доставляла много затрудненій при выборѣ мѣста подъ бивакъ; случалось иногда разбивать коновязь на мѣстности, почти сплошь покрытой камнями, причемъ сгребать ихъ въ сторону было бесполезно, такъ какъ подъ верхнимъ слоемъ камней мы находили такой же слой, а потому лошадямъ приходилось въ этомъ случаѣ отдыхать на довольно своеобразной подстилкѣ.

Переваливъ черезъ Становой хребетъ Корей по перевалу Хантаріонъ, мы достигли д. Ханзангни, гдѣ рѣшено было провести 27-го мая на дневкѣ.

28-го мая. Послѣ небольшого перехода отрядъ достигъ д. Куджинъ, гдѣ мы рѣшили ожидать подхода развѣзда поручика Крищевскаго.

Съ момента отдѣленія его отъ отряда въ Ченгъ-Пиенгъ я не переставалъ думать о развѣздѣ, но въ послѣдніе дни я сталъ тревожиться за его участь; повидимому, и другіе офицеры въ отрядѣ испытывали то же чувство; это сказывалось на ихъ настроеніи духа.

Въ Куджинѣ нашимъ ожиданіямъ былъ положенъ конецъ. Часовъ около 6 вечера къ намъ подѣхали на бивакъ дозорные Крищевскаго, а черезъ $\frac{1}{4}$ часа и онъ самъ съ развѣздомъ.

Какъ мы обрадовались, когда увидѣли прибывшихъ! Послѣдніе были, конечно, довольны не меньше нашего.

Въ этотъ же вечеръ Крищевскій сообщилъ намъ слѣдующее: 20-го мая, достигнувъ гор. Коуона и опросивъ здѣсь жителей, развѣздъ получилъ свѣдѣнія, что японцевъ ближе Гензана нѣтъ. Кромѣ того Крищевскій узналъ изъ различныхъ источниковъ, что гарнизонъ Гензана былъ усиленъ войсками, прибывшими 17-го мая изъ Сеула, и доведенъ до 2,000 человекъ пѣхоты при артилеріи. Продолжая двигаться и разрушая мѣстами телеграфную линію, развѣздъ былъ встрѣченъ у г. Мунчена, въ 20-ти верстахъ отъ Гензана, залпами изъ засады. Спѣшивъ свой развѣздъ, Крищевскій заставилъ огнемъ отступить непріятели на возвышенности къ югу отъ города, причемъ оказалось, что въ засадѣ было около взвода японцевъ. При отступленіи этого взвода обнаружилась непріятельская цѣпь на высотахъ къ югу отъ Мунчена, которая завязала перестрѣлку съ нашимъ развѣздомъ. Прошло болѣе часу отъ начала перестрѣлки, какъ Крищевскій увидалъ, что одинъ взводъ непріятельской пѣхоты быстро наступаетъ, въ обходъ лѣваго фланга развѣзда; перенесъ свой огонь на этотъ взводъ и увидавъ, что онъ начинаетъ отступать, Крищевскій рѣшилъ атаковать его въ конномъ строю лавою, но довести атаку до конца ему не удалось вслѣдствіе мѣстныхъ условій; когда развѣздъ отходилъ назадъ, онъ былъ обстрѣлянъ полуротой, съ которой онъ уже велъ перестрѣлку до своей конной атаки, и ротой, до этого времени не обнаруженной, на вершинѣ горы. Въ виду крайне пересѣченной мѣстности, не допускавшей обхода позиціи непріятели въ конномъ строю, и значительнаго превосходства въ силахъ противника, въ общемъ не менѣе двухъ ротъ, Крищевскій рѣшилъ отступить на присоединеніе къ отряду, предварительно вынеся изъ огня убитаго въ перестрѣлкѣ казака Михина и смертельно раненаго и тутъ же скончавшагося рядового Блявскаго и забравъ съ собой ихъ лошадей и оружіе

Раненыхъ больше въ развѣздѣ не было, если не считать одной лошади, которая была въ состоянїи продолжать путь. Потери японцевъ, по наблюденію Крищевскаго, были не менѣе 7—8 человекъ¹⁾). Кромѣ того было ранено и убито нѣсколько корейцевъ.

Возвращаясь черезъ Коуонъ, Крищевскій наказалъ его губернатора и нѣкоторыхъ жителей, давшихъ ложное свѣдѣніе о томъ, что японцевъ ближе Гензана нѣтъ и затѣмъ направился въ д. Тюктень, которую ему удалось отыскать. Не найдя насъ тамъ, онъ вышелъ черезъ Генхынгъ на Ченгъ-Пиенгъ, откуда пошелъ по слѣдамъ отряда до самаго Куджина.

Тяжелая служба въ развѣздѣ отразилась немного на людяхъ и въ довольно значительной степени на лошадяхъ: люди и около половины лошадей нуждались только въ небольшомъ отдыхѣ, для чего на 29-е мая назначена была дневка, но у остальныхъ коней силы были подорваны; чтобы дать имъ хотя бы нѣсколько оправиться, я рѣшилъ продолжать идти до Чанчжина малыми переходами.

Похваливъ развѣздъ за его молодецкую службу, я обѣщала нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ его представить къ георгіевскому кресту. Съ присоединеніемъ Крищевскаго всѣ въ отрядѣ повеселѣли, а у меня какъ будто тяжелое бремя свалилось съ плечъ.

30-го мая. Изъ Куджина, въ день прибытія развѣзда Крищевскаго, былъ высланъ развѣздъ на г. Чанчжинъ подъ командой шт.-ротмистра Левицкаго, который кромѣ задачи по развѣдкѣ имѣлъ назначеніе озаботиться подготовкой всего необходимаго дляковки отряда въ этомъ городѣ. Дѣло въ томъ, что послѣдніе переходы по скалистой мѣстности сильно отразились на состоянїиковки въ отрядѣ, и, несмотря на надзоръ затѣмъ, чтобы подковы своевременно подтягивались, лошади постоянно расковывались, что вызвало большой расходъ подковныхъ гвоздей, между тѣмъ въ попутныхъ деревняхъ нельзя было ихъ достать, и кузницъ мы здѣсь не встрѣчали, а въ городахъ мы видѣли только такіе подковные гвозди, которые не подходили къ гвоздевымъ отверстиямъ нашихъ подковъ, и годились только для корейскихъ. Впрочемъ, 45-я сотня имѣла достаточный для себя запасъ, какъ подковъ, такъ и гвоздей, но въ 47-й сотнѣ ощущался недостатокъ, въ особенности въ послѣднихъ, вслѣдствіе чего лошадей этой сотни перестали ковать на заднія ноги, отчего при движеніи по камнямъ, стали ломаться копыта.

Дѣло дошло до того, что стали пользоваться при перековкѣ старыми гвоздями, стараясь вынимать ихъ, не ломая барашковъ и зао-

¹⁾ Газета Echo de Chine въ одной изъ своихъ корреспонденцій подтверждаетъ эту цифру.

стривая концы. Конечно, такой способ перековки былъ крайне неудобенъ и не всегда возможенъ, почему командиръ 47-й сотни, надѣясь найти кузницу въ г. Чанчжинѣ, рѣшилъ испытать ковку на корейскія подковы, а если бы удалось найти тамъ хорошее желѣзо, то попытаться изъ него надѣлать гвоздей для нашихъ подковъ.

Въ д. Бемури, гдѣ мы остановились на ночлегъ, было получено отъ развѣзда шт.-ротмистра Левицкаго донесеніе, что въ Чанчжинѣ ни непріятеля, ни нашихъ силъ нѣтъ.

31-го мая. Такъ какъ для 45 сотни было желательно движеніе малыми переходами, въ виду состоянія лошадей взвода Крищевскаго, а для 47 сотни необходимо было возможно скорѣе заняться ковкой, то рѣшено было, что послѣдняя направится въ г. Чанчжинѣ однимъ переходомъ, а первая—двумя переходами и, тамъ предполагалось 47 сотнѣ побыть 2 дневки, а 45—одну.

1-го и 2-го іюня. Корейскіе подковные гвозди, которые 47-й сотнѣ удалось получить въ Чанчжинѣ, оказались совершенно неподходящими къ нашимъ подковамъ, вслѣдствіе чего кузнецы пробуютъ выдѣлывать гвозди изъ желѣза, которое съ трудомъ достается здѣсь, но оно плохого качества, и большая часть гвоздей при загибаніи барашковъ ломаются. Тогда мы стали подковывать на корейскія подковы, но такъ какъ ростъ лошадей въ той мѣстности 1 арш. 8—10 вершковъ, а нашихъ 1 арш. 13—15 вершковъ, то всѣ подковы оказываются малы, и намъ приходится ихъ перетягивать, причемъ пятка копыта остается не прикрытой желѣзомъ; кромѣ того, эти подковы до того тонки, что подъ тяжестью нашихъ лошадей и всадниковъ, онѣ стираются въ 3—4 перехода.

Изъ распросовъ жителей мы узнали, что русскій отрядъ, бывшій въ этой мѣстности не задолго до насъ, имѣлъ бой съ корейскими войсками у гор. Канге, послѣ чего онъ отступилъ въ Маньчжурію черезъ р. Ялу.

Я считаю, что мы должны идти въ направленіи на Канге и далѣе къ нижнему теченію Ялу до встрѣчи съ непріятелемъ съ цѣлью опредѣленія крайняго праваго фланга его расположенія. Хотя корейцы насъ убѣждали, что Японцы дошли уже до Ляояна, трижды его атаковали и на третій разъ взяли, мы не вѣрили этимъ слухамъ.

Своими предложеніями относительно предстоящихъ намъ дѣйствій я дѣлюсь съ офицерами.

3-го іюня. Выступаемъ изъ Чанчжина и переваливаемъ черезъ не особенно крутой, но трудный перевалъ Соранбоніенгъ. Дорога сплошь состоитъ изъ однихъ камней, большинство которыхъ съ

острыми краями. Мы идемъ по крайней мѣрѣ верстѣ 10 въ поводу. Мѣстами дорога проходить по каменистому ручью глубиною по колено; послѣ ходьбы по острымъ камнямъ вода освѣжаетъ намъ ноги.

Обувь у нижнихъ чиновъ уже плоха; они снашиваютъ вторую пару сапогъ, которая при выступленіи въ походъ была въ переметныхъ сумахъ, нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ ходятъ въ корейскихъ туфляхъ. У офицеровъ обувь не многимъ лучше, и Крицевскій маршируетъ въ такихъ же туфляхъ.

По приходѣ на ночлегъ въ село Токуа-кори я получаю письмо отъ корейскаго полковника изъ гор. Канге.

Въ этомъ письмѣ говорится, что около Канге рисовыя поля мѣшаютъ расположенію бивакомъ по крайней мѣрѣ на 5 верстѣ кругомъ, но по распросамъ мѣстныхъ жителей это оказывается невѣрнымъ, а потому письмо это возбуждаетъ только наши подозрѣнія.

4-го іюня. Переходъ нашъ въ Канге мы совершаемъ все время подъ дождемъ. Въ верстахъ 5 отъ этого города мы подходимъ къ разоренной д. Чумакъ-кори, которая, по словамъ корейцевъ, сожжена отрядомъ Мадритова, послѣ боя его съ корейскими войсками у Канге. У этой деревни мы видимъ 2—3 лошадиныхъ скелета и небольшую могилу съ крестомъ, очевидно, одного изъ убитыхъ или умершихъ чиновъ отряда Мадритова. Здѣсь же я получаю донесеніе отъ начальника головного отряда, а потомъ при встрѣчѣ онъ докладываетъ, что городъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, занятъ 400 корейскими солдатами и 500 дружинниками, расположенными на стѣнахъ города, которыми онъ обнесенъ вокругъ; кромѣ того начальникъ гарнизона Канге прислалъ сказать, что онъ не можетъ пропустить нашъ отрядъ черезъ городъ, предлагая остановиться бивакомъ въ сторонѣ, куда будетъ доставленъ фуражъ и провіантъ. При этомъ начальникъ гарнизона угрожалъ, что при нашемъ приближеніи къ стѣнамъ города, въ числѣ болѣе двухъ человекъ, онъ откроетъ по нимъ огонь.

Въ верстѣ отъ города, прикрываясь съ его стороны небольшимъ хребтомъ, я приостанавливаю отрядъ, передаю начальство надъ нимъ старшему послѣ меня, а самъ вмѣстѣ съ поручикомъ Булацель, двумя переводчиками, двумя вѣстовыми и трубачемъ ѣду для переговоровъ съ корейскими властями къ воротамъ города.

Когда мы выѣхали изъ-за нѣсколькихъ полуразрушенныхъ фанзъ, и нашу группу замѣтили корейскія войска, довольно густо расположенныя на банкетѣ за городской стѣной, они заволновались, и, несмотря на то, что еще до того я приказалъ одному изъ

нашихъ вѣстовыхъ вывѣсить бѣлый платокъ, какъ парламантерскій знакъ, мы были очень близко отъ того момента, когда они, можетъ быть, сначала совершенно не отдавая себѣ отчета, открыли бы по насъ огонь. Нѣкоторые изъ мирныхъ корейцевъ, стоявшихъ кое гдѣ на стѣнахъ города между солдатами, что то кричали намъ. Замѣтивъ все это, я перешелъ изъ рыси въ шагъ и возможно спокойнѣе громче заговорилъ съ однимъ изъ переводчиковъ, чтобы этимъ спокойствіемъ воздѣйствовать на корейцевъ, мимо которыхъ, шагахъ въ 20 отъ нихъ, мы дефилировали къ запертымъ воротамъ города.

Здѣсь мы слѣзли, и я пригласилъ черезъ переводчика корейскихъ офицеровъ, стоявшихъ въ башенкѣ надъ воротами, сойти внизъ къ намъ. Спустя нѣсколько минутъ, были открыты ворота, и нѣсколько офицеровъ въ сопровожденіи десятка двухъ нижнихъ чиновъ, вооруженныхъ винтовками и при патронташахъ, сошли къ намъ внизъ. Корейцы окружили насъ, а одинъ изъ нихъ, отрекомендовавшись начальникомъ города, тотчасъ же объявилъ мнѣ, что вслѣдствіе полученнаго имъ приказа онъ никого рѣшительно изъ отряда пропустить въ городъ не можетъ.

На это я ему указалъ, что отрядъ болѣе 5 недѣль странствуетъ по Корей, проходилъ черезъ многіе города и не только корейскія войска не препятствовали тому, но даже поддерживали съ нами дружественныя отношенія. Въ доказательство послѣдняго показалъ визитныя карточки многихъ корейскихъ офицеровъ, съ которыми знакомился.

Во время продолжительныхъ переговоровъ выяснилось, что въ городѣ имѣются необходимые запасы продовольствія для отряда и желѣзо для ковки, и что все это начальникъ города можетъ доставить на бивакъ отряда, что гарнизонъ Канге слышалъ о хорошемъ отношеніи отряда къ корейцамъ, а потому не встрѣтилъ его боемъ, какъ это онъ сдѣлалъ съ отрядомъ Мадритова, но что касается пропуска отряда черезъ городъ и пользованія кузнецей, находящейся въ городѣ, то этотъ вопросъ безъ корейскаго полковника онъ рѣшить не можетъ.

Узнавъ о существованіи въ Канге полковника, т. е. старшаго въ чинѣ начальника, чѣмъ тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, я попросилъ, — или передать ему, чтобы онъ явился для переговоровъ къ воротамъ или пропустить меня къ нему въ городъ, хотя бы одного при переводчикахъ. Мнѣ стало подозрительно то упорство, съ которымъ они рѣшительно никого, даже безоружнаго переводчика, не хотѣли пропустить черезъ городъ. Также возбу-

ждали въ насъ сомнѣнiе 2—3 нижнихъ чина маленькаго роста, по типу похожихъ на японцевъ и злобно посматривавшихъ на насъ.

Прождавъ нѣкоторое время полковника, за которымъ, какъ мнѣ сказалъ начальникъ города, было послано, я высказалъ ему, что считаю ожиданiе у воротъ города несомвѣстнымъ со званiемъ русскаго офицера, а потому требую категорическаго отвѣта черезъ три часа и немедленной доставки продовольствiя, въ количествѣ, которое я указалъ, на бивакъ отряда у рѣки въ виду Канге; кромѣ того я добавилъ, что хотя долгъ военной вѣжливости требуетъ, чтобы корейскiй полковникъ явился бы ко мнѣ на бивакъ, но, такъ какъ онъ повидимому боится меня и нашего отряда, я освобождаю его отъ этой обязанности и удовлетворюсь отвѣтомъ черезъ посланнаго.

Мы сѣли верхомъ и поѣхали обратно, послѣ чего отрядъ расположился бивакомъ по другую сторону рѣки отъ города, но въ виду и не болѣе какъ въ верстѣ отъ него.

Часа черезъ два спустя, пришли ко мнѣ два корейскихъ унтеръ-офицера и принесли визитную карточку ихъ полковника, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сноповъ соломы и мѣрокъ чумизы, обѣщавъ доставить все продовольствiе въ теченiе ночи. Относительно пропуска отряда въ городъ они ничего не знали.

Всю ночь, несмотря на сильный дождь, мы видѣли, какъ корейскiе солдаты съ фонарями въ рукахъ ходили по стѣнамъ города, очевидно, ожидая нападенiя съ нашей стороны.

Въ то же время я получилъ свѣдѣнiе отъ мирныхъ корейцевъ, что въ Канге имѣется нѣсколько японскихъ солдатъ и что со дня на день ожидается прибытiе сюда японскаго отряда изъ Уйна.

В. Агапѣвъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

